

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

**Кризис в отрицательной школе:
к вопросу об исторической достоверности книги
"Деяний Апостольских"**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1896. № 7-8. С. 3-19.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 10 июля 1896 года.

Э.-орд. профессоръ *Александръ Лопухинъ*.

Кризисъ въ отрицательной школѣ.

(Къ вопросу объ исторической достовѣрности книги „Дѣяній Апостольскихъ“).

НОВѢЙШАЯ, такъ называемая, отрицательная критика переживаетъ несомнѣнно тяжелый кризисъ. Еще недалеко то время, когда критицизмъ бурной волной врывался въ святилище самыхъ дорогихъ вѣрованій христіанскаго міра и угрожалъ разрушить самыя основы этихъ вѣрованій, ниспровергая достовѣрность книгъ Св. Писанія и низводя ихъ на степень обыкновенныхъ чловѣческихъ записей, притомъ позднѣйшаго по отношенію къ описываемымъ въ нихъ событіямъ происхожденія. Эта разрушительная работа критицизма была тѣмъ внушительнѣе, что производилась отъ имени строгаго-научнаго знанія, и критики выступали во всоружіи учености, предъ которой невольно должны были въ смущеніи отступать вѣрующіе богословы, стоявшіе на почвѣ положительнаго христіанскаго міросозерцанія и жившіе преданіями вселенской церкви. Въ глазахъ передоваго критицизма они были люди отсталые и потому ихъ пѣсня была спѣта, а дѣло изслѣдованія св. книгъ должно было перейти въ руки критиковъ, которые, стоя на высотѣ современнаго знанія, порѣшали всѣ вопросы о литературно-историческомъ значеніи св. книгъ, находя въ нихъ лишь «документы» сомнительной важности и достовѣрности, съ гордою самоувѣренностью относили къ области миѳологіи всѣ тѣ факты, которые дотолѣ считались непреложными и составляли самую основу вѣрованій христіанскаго міра.

Смущеніе во всемъ христіанскомъ мірѣ было необычайное, и многіе слабые духомъ даже готовы были отречься отъ своихъ дорогихъ вѣрованій и присоединиться къ глашатаямъ отрицанія. Но вскорѣ оказалось странное явленіе. Чѣмъ дальше шла отрицательная критика по пути отрицанія, тѣмъ менѣе становилась она увѣренной въ себя, и по мѣрѣ того, какъ стали все болѣе разрабатываться тотъ литературно-историческій матеріалъ, который служилъ главной основой для отрицанія, тѣмъ все чаще критики стали наталкиваться на такіе факты, которые были для нея неразрѣшимы и могли быть объяснены не иначе, какъ съ точки зрѣнія отвергнутого ею міросозерцанія вѣковѣчнаго преданія. Смущеніе критиковъ прежде всего сказалось въ ихъ отношеніи къ ветхозавѣтнымъ фактамъ, когда новѣйшія открытія въ области археологіи древнихъ странъ востока неожиданно доставили намъ богатѣйшій матеріалъ для изслѣдованія, о которомъ и не подозрѣвали раньше, но который между тѣмъ давалъ неожиданное подтвержденіе для цѣлаго ряда фактовъ, дотолѣ смѣло относившихся критикой къ области мифологіи и народнаго творчества. Достаточно прочесть теперь критическія изслѣдованія напр. нѣмецкихъ библеистовъ 20 и 30 годовъ настоящаго столѣтія и сопоставить ихъ критическія упражненія хотя бы съ новѣйшими археологическими изслѣдованіями англійскаго ассиріолога Сэйса, чтобы убѣдиться, на какихъ шаткихъ, можно сказать, ребяческихъ основахъ построили свои критическія теоріи ученые критики того времени ¹⁾. То же самое оказалось и въ отношеніи ихъ къ Новому За-

¹⁾ Въ качествѣ примѣра можно указать на отношеніе прежнихъ критиковъ-раціоналистовъ къ XIV гл. кн. Бытія. Эта глава считалась вымысломъ какого-нибудь іудея, который, живя уже послѣ плѣна вавилонскаго и познакомившись съ Вавилоніей, надумалъ внести въ библейскую исторію измышленный рассказъ о побѣдѣ Авраама надъ вавилонской коалиціей, — рассказъ, исполненный — де путаницы и противорѣчій всякаго рода. Между тѣмъ новѣйшія изслѣдованія въ области исторіи и археологіи древней Вавилоніи блистательно подтверждали историческій характеръ этого замѣчательнаго эпизода. См. въ его книгѣ *The „higher criticism“ and Verdict of Monuments 1894*, стр. 161 и сл.

вѣту. Многіе факты изъ новозавѣтной исторіи, особенно тамъ, гдѣ она соприкасается съ классической исторіей и древностью, смѣло относились къ области вымысла или недомыслия полуграмотныхъ авторовъ новозавѣтныхъ книгъ, такъ какъ-де эти факты не подтверждались классическою древностью или даже находились въ противорѣчій съ ея свидѣтельствами. Этимъ смѣлымъ критическимъ отношеніемъ къ фактамъ новозавѣтной исторіи особенно прославилась тюбингенская школа во главѣ съ ея вождемъ Бауромъ, и своею усиленною работою эта школа въ свое время произвела громадное впечатлѣніе на весь ученый міръ.

Особенную силу аргументаціи этой школы составляло то, что она опиралась на старательномъ и всестороннемъ изученіи той классической основы, на которой возникла вся христіанская литература первыхъ вѣковъ. Вся эта литература будто-бы шла въ разрѣзъ съ установившимся христіанскимъ преданіемъ и потому послѣднее подлежить отверженію какъ недостовѣрное, а вмѣстѣ съ нимъ такая же судьба должна постигнуть и самую дорогія вѣрованія христіанской церкви. Къ счастью — время увлеченія этимъ критицизмомъ скоро прошло, и когда непредзанятая никакими теоріями наука серьезно взялась за провѣрку трудовъ тюбингенской школы, то не могла не замѣтить въ ней весьма существенныхъ пробѣловъ и недочетовъ. Прежде всего оказалось, что все это критическое движеніе представляло собою не болѣе, какъ извѣстное вѣяніе времени. Раціонализмъ, составляющій душу западнаго христіанства, постепенно подтачивая вѣру въ церковь и ея преданія, къ первой четверти нашего вѣка успѣлъ образовать такую атмосферу сомнѣнія, которая проникла во всѣ сферы жизни западно-европейскаго общества, и оно, уже потерявъ вѣру, невольно искало для своего успокоенія того или другаго оправданія для своего невѣрія. И вотъ въ отвѣтъ на этотъ запросъ общественной мысли и явилась тюбингенская школа, которая такимъ образомъ не создала раціонализма, а только придала ему извѣ-

стную форму и старалась найти для него строго-научное обоснованіе. Но понятно, что движеніе, имѣющее въ своей основѣ готовую почву въ видѣ предварительно образовавшагося отрицательнаго мнѣнія, уже никоимъ образомъ не можетъ быть вполне безпристрастнымъ и объективнымъ: составляя лишь теоретическое обоснованіе или оправданіе господствующаго настроенія, оно по тому самому уже не имѣло въ себѣ задатковъ этой объективности, и потому-то и оказалось, что это критическое движеніе грѣшило противъ самыхъ основныхъ требованій здравой критики, именно полной объективности сужденія и безпристрастія въ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ изслѣдуемыхъ фактовъ. Для тюбингенской школы на первомъ мѣстѣ были не факты, которые только одни и должны были служить матеріаломъ для выработки цѣльнаго міросозерцанія, а напротивъ, она исходила уже изъ готоваго предположенія, и факты для нея служили лишь средствомъ для возведенія этого предположенія въ твердо основанную теорію, — однимъ словомъ тщательно подбираемые документы и факты лишь подгонялись къ заранѣ составленной теоріи. Очевидно такая работа, не смотря на всю громаду ея ученаго аппарата, не имѣетъ для истинной науки ровно никакого значенія и противорѣчитъ основному требованію, предъявляемому логикой ко всякому безпристрастному изслѣдованію. Между тѣмъ это отсутствіе должной объективности сказалось на тюбингенской школѣ и въ другихъ, еще болѣе яркихъ недостаткахъ. Такъ какъ отсутствіе объективности было результатомъ заранѣ составившагося предубѣжденія, то это повело даже къ той, уже совсѣмъ противонаучной крайности, которая выразилась въ отсутствіи всякой симпатіи къ изслѣдуемымъ предметамъ. Въ критикахъ тюбингенской школы всѣ тѣ факты, съ которыми связывались самыя дорогія вѣрованія христіанскаго міра, не только не возбуждали ни малѣйшаго сочувствія, которое хотя отчасти могло-бы удержать ихъ отъ несправедливаго отношенія къ нимъ, а напротивъ въ силу опредѣленнаго мнѣнія теряли всякую историческую цѣнность въ ихъ глазахъ, и потому

когда приходилось производить сравнительную историческую оцѣнку фактовъ новозавѣтной исторіи съ фактами классической древности въ случаѣ ихъ соприкосновенія между собою, то приэтомъ всегда становились на сторону послѣднихъ и въ случаѣ ихъ разногласія между этими двумя порядками фактовъ непременно преимущество отдавали фактамъ классической древности и безапелляціонно отвергали значеніе первыхъ. Это уже такая несправедливость, которая грѣшитъ противъ элементарныхъ требованій ученой критики, а между тѣмъ эту вопіющую несправедливостью проникнуты всѣ ученые труды, какъ Баура, такъ и его послѣдователей. Достаточно было среди мусора всевозможныхъ документовъ отъ классической древности найти какое-нибудь темное отрывочное, въ сущности ничего не говорящее свидѣтельство второстепеннаго и третьестепеннаго автора или сатирика, чтобы вся школа возликовала, если въ этомъ свидѣтельствѣ при помощи микроскопическаго анализа можно было найти какой-нибудь отдаленный намекъ на что-нибудь такое, что стоитъ въ противорѣчій съ цѣлымъ повѣтствованіемъ какой-нибудь новозавѣтной книги, и вся эта книга хладнокровно (а быть можетъ и не безъ злорадства) приносилась въ жертву этому темному свидѣтельству и объявлялась недостоверною и неподлинною. Случаи этого рода слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ, кто болѣе или менѣе слѣдилъ за ходомъ нѣмецкой отрицательно-критической литературы, чтобы нужно было подробно останавливаться на нихъ ¹⁾; но они то именно и послужили главной причиною того, что когда первое увлеченіе прошло и наступило время для болѣе спокойнаго отношенія къ дѣлу, довѣріе къ произведеніямъ критической школы ослабѣло. Когда начались самостоятельныя изслѣдованія въ этой же области со стороны болѣе независимыхъ ученыхъ, сами послѣдователи тюбингенской школы отчасти сознали свое увлеченіе и ученики Баура на-

¹⁾ См. напр. въ статьѣ „Христіанская церковь въ римской имперіи въ первые два вѣка“. „Христ. Чтеніе“ за 1894 годъ, I, 8 и сл.

чали отступленіе по всей линіи отъ положеній своего учителя. Между тѣмъ независимыя изслѣдованія, опираясь притомъ на новыя открытія, какъ въ области древней письменности, такъ и археологіи, дали еще цѣлый рядъ такихъ фактовъ, о которыхъ и не подозрѣвали главари тюбингенской школы и эти новооткрытые факты въ общей массѣ рѣшительно не мирились съ выводами отрицательной критики и напротивъ въ большинствѣ случаевъ ими блистательно подтверждались факты новозавѣтной исторіи. Мало того, съ расширеніемъ круга изслѣдованій въ области классической древности безпристрастная наука обнаружила и такіе факты, которые уже со-всѣмъ не дѣлаютъ чести нравственной добросовѣстности критиковъ, такъ какъ обнаружилось, что послѣдніе нерѣдко приводили въ подтвержденіе своихъ излюбленныхъ теорій и такіе факты, которыхъ въ дѣйствительности еще не существовало (въ научномъ смыслѣ) и которые сдѣлались достояніемъ лишь новѣйшихъ изысканій ¹⁾.

И вотъ результатомъ всего этого литературно-критическаго движенія было то, что тюбингенская школа потеряла свой престижъ и даже тѣ могикане ея, которые продолжали держаться своей излюбленной теоріи, не осмѣливались уже выставять ее съ прежнимъ заносчивымъ абсолютизмомъ, а скромно ограничивали и урѣзывали ее сообразно съ новыми фактами научныхъ открытій и изслѣдованій. Но дѣло приняло еще болѣе серьезный оборотъ, когда за изслѣдованіе фактовъ, соприкосновенныхъ съ классическою древностью, взялись сами спеціалисты классическаго знанія. Тюбингенскіе критики, хотя и пользовавшіеся въ широкихъ размѣрахъ фактами и свидѣтельствами классической древности для подтвержденія своихъ теорій въ отношеніи къ новозавѣтной исторіи, все-таки были богословы, для которыхъ на первомъ планѣ стояли интересы богословскихъ воззрѣній, такъ что и классическую древность они изучали не какъ само-

¹⁾ См. въ указ. статьѣ стр. 9 и сл.

цѣль, а только какъ средство для подтвержденія своихъ излюбленныхъ богословскихъ теорій и возврѣній извѣстнаго пошиба. Поэтому какъ ни обширна была ихъ эрудиція въ этомъ отношеніи, однако она имѣла несамостоятельное значеніе, а потому и выводы на основаніи ея по необходимости страдали односторонностью и предвзятостью. Это была эрудиція, стремившаяся не къ тому, чтобы уяснить себѣ извѣстные факты какъ объектъ чисто ученаго изслѣдованія, а къ тому, чтобы при помощи этихъ фактовъ обосновать ту или другую богословскую теорію. Вотъ почему получаетъ для насъ такой большой интересъ то обстоятельство, что такое отношеніе къ классической древности пробудило интересъ и въ самихъ ученыхъ спеціалистахъ классическаго знанія и они также обратили вниманіе на ту промежуточную область, гдѣ факты классической древности соприкасаются съ фактами новозавѣтной и церковной исторіи. И тутъ оказался поразительный фактъ. Представители классическаго знанія, приступивъ къ изученію этого рода фактовъ съ свойственною имъ научною точностью и объективностью, съ выработанной строгою логикой учеными приѣмами и съ дисциплинированнымъ умомъ, оказались несравненно безпристрастнѣе тюбингенскихъ богослововъ, потому что для нихъ важно было не подтвердить ту или другую богословскую теорію, а уяснить самые факты, какъ матеріаль для исторіи. А это только и нужно было для торжества истины. Какъ только къ дѣлу было приступлено безъ всякихъ предзанятыхъ теорій, а единственно съ цѣлію уясненія и разслѣдованія самыхъ фактовъ, такъ немедленно обнаружилась вся жалкая неосновательность тюбингенскихъ построеній съ ихъ насильственно подтянутыми фактами и неосновательными предположеніями, и истина выступила во всемъ своемъ лучезарномъ свѣтѣ; и эта истина состояла въ томъ, что факты новозавѣтной исторіи выдерживаютъ самую строгую критику и сообщающіе ихъ авторы, вопреки утвержденію тюбингенской школы, не только вполне свидѣтели достовѣрные и надежные, но и такіе историки, которымъ

принадлежить мѣсто наряду съ величайшими историками древности. И этотъ взглядъ высказали не какіе-нибудь второстепенные, незначительные представители классическаго знанія, а первостепенные ученые, стоящіе во главѣ научнаго движенія въ области классицизма. Достаточно указать нѣсколько именъ въ подтвержденіе этого положенія. Къ числу независимыхъ ученыхъ историковъ, высказавшихъ свой положительный взглядъ на факты новозавѣтной исторіи, принадлежитъ всемірно извѣстный историкъ Леопольдъ Ранке. Какъ глава историко-критической школы, онъ прославился глубиною и точностью своихъ историческихъ работъ, тщательностью своего историко-критическаго метода, при помощи котораго онъ съ гениальною отчетливостью отдѣлялъ историческую шелуху отъ истиннаго зерна исторической правды, и этотъ знаменитый историкъ въ своей «Всемирной Исторіи», излагая историческую эпоху появленія и первоначальнаго распространенія христіанства, вопреки тюбингенскимъ критикамъ, призналъ вполне историческую достовѣрность за непосредственными свидѣтелями этой эпохи, какимъ особенно былъ авторъ книги «Дѣяній Апостольскихъ» св. Лука. Рядомъ съ Л. Ранке по ученому авторитету, а еще выше по своимъ знаніямъ въ области собственно классической древности, стоитъ знаменитый ветеранъ классической исторіи Э. Курціусъ, общепризнанный глава новѣйшаго классицизма; и этотъ ученый, коснувшись глубоко интереснаго—и въ историческомъ, и въ богословскомъ отношеніи—факта пребыванія ап. Павла въ центрѣ классическаго міра въ Аѳинахъ, открыто высказалъ свое убѣжденіе въ полной исторической достовѣрности самаго повѣствованія объ этомъ въ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ». «Всякій, по его буквальнымъ словамъ, кто отрицаетъ историческую достовѣрность повѣствованія о пребываніи ап. Павла въ Аѳинахъ, тѣмъ самымъ вырываетъ одинъ изъ важнѣйшихъ листовъ въ исторіи человѣчества»¹⁾. Среди англійскихъ уче-

¹⁾ См. его глубоко-интересный рефератъ въ „Христ. Чтеніи“ 1894 II, стр. 1 и сл. — въ нашемъ переводѣ.

ныхъ съ такою же независимостью отъ ученыхъ критиковъ тюбингенской школы высказался общеевропейскій извѣстный ученый Рамсэй, который открыто высказалъ свои взгляды въ этомъ отношеніи, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи о «Христіанской церкви въ римской имперіи за первые два вѣка», — сочиненіи, которое произвело глубокое впечатлѣніе на весь ученый міръ, какъ свидѣтельство совершенно самостоятельнаго ученаго, выше всего цѣнящаго истину.

Читатели нашего журнала съ достаточностью знакомы съ этимъ капитальнымъ сочиненіемъ, существенныя части котораго были предметомъ изложенія въ рядѣ статей ¹⁾, и потому мы не будемъ повторять тѣхъ поразительныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ ученый авторъ путемъ самостоятельнаго изслѣдованія въ области соприкосновенія христіанской исторіи и классической древности. Достаточно сказать, что авторъ, разоблачивъ во многихъ отношеніяхъ фальшь и пятажки отрицательной критики, блистательно возстановилъ значеніе многихъ такихъ фактовъ, которые, какъ опиравшіеся дотолѣ на преданіи христіанской церкви, смѣло относились критиками къ области вымысла. Но ученый авторъ не остановился на этомъ. Блистательно защитивъ достовѣрность свидѣтельствъ послѣапостольскаго вѣка, онъ постепенно углублялся въ своихъ изслѣдованіяхъ все дальше и дальше въ глубь самого апостольскаго вѣка, и результатомъ этихъ изслѣдованій явилось новое его сочиненіе, которое успѣло возбудить всеобщее вниманіе въ ученномъ мірѣ и въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержало два изданія. Это сочиненіе Рамсэя, вышедшее подъ заглавіемъ: «Ап. Павелъ, какъ путешественникъ и римскій гражданинъ» ²⁾, уводитъ насъ именно въ глубь апостольскаго вѣка и получаетъ тѣмъ

1) См. указ. выше статью подъ заглавіемъ: „Христ. Церковь и римская имперія въ первые два вѣка“ *А. Павловича*.

2) *St. Paul the Traveller and the Roman citizen, by W. M. Ramsay. London. 1895.* Теперь уже вышло второе изданіе, но мы пользуемся первымъ.

большій интересъ, что прямо беретъ предметомъ своего изслѣдованія исторію жизни и трудовъ того великаго апостола народовъ, который именно въ исторіи своей дѣятельности далъ богатѣйшій матеріаль не только для богословія, но и для древней археологіи и географіи, — массу того культурно-историческаго матеріала, который особенно дорогъ для историка древняго міра въ переходный періодъ жизни послѣдняго. И эта новая книга Рамсэя для насъ получаетъ особенный интересъ въ виду того, что ученый специалистъ въ области классическаго знанія, взявъ предметомъ своего изслѣдованія, такъ сказать, центральную личность апостольскаго вѣка, изучаетъ ея дѣятельность по всѣмъ правиламъ строгой классической науки. Въ этомъ отношеніи Рамсэй сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ въ области изученія христіанской древности на почвѣ классической по сравненію съ Леоп. Ранке и Курціусомъ. Тѣ только коснулись христіанской древности съ этой стороны, а Рамсэй прямо входитъ въ самую эту область и производитъ въ ней тщательное изслѣдованіе всѣхъ фактовъ и данныхъ, подвергаетъ ихъ строгой провѣркѣ при посредствѣ фактовъ и данныхъ классической древности, и результатомъ этого изслѣдованія и этой провѣрки сказывается тотъ поразительный фактъ, что ученый классикъ пораженъ точностью тѣхъ данныхъ, какія даетъ намъ новозавѣтная письменность, и приходитъ къ открыто высказываемому имъ убѣжденію въ совершеннѣйшей достовѣрности тѣхъ христіанскихъ писаній, въ которыхъ заключается исторія апостольскаго вѣка. Этотъ фактъ еще тѣмъ поразительнѣе, что Рамсэй, по его собственному сознанію, приступалъ къ изученію этой области далеко не безъ предубѣжденія, такъ какъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ корифеевъ отрицательной критики. Но когда онъ, не полагаясь на ихъ авторитетъ, порѣшилъ самъ лично произвести это сравнительно-критическое изслѣдованіе, то убѣдился, что теоріи этой школы болѣе строятся на предположеніяхъ и предзанятыхъ мнѣніяхъ, чѣмъ на трезво изучаемыхъ фактахъ, и потому, отвергнувъ свои кумиры,

открыто сознался въ этомъ и тѣмъ доставилъ новое торжество истинѣ.

По самому предмету своего ученаго изслѣдованія авторъ необходимо долженъ былъ имѣть дѣло съ книгой «Дѣяній Апостольскихъ», которая составляетъ главный источникъ исторіи жизни и дѣятельности ап. Павла, и Рамсэй дѣйствительно прежде всего и остановилъ свое вниманіе на характерѣ этой священ. книги. Вопросъ предстоялъ въ высшей степени интересный. Книга «Дѣяній Апостольскихъ» есть, такъ сказать, самая историческая книга среди новозавѣтныхъ книгъ, и историческій интересъ ея возвышается тѣмъ, что она затрогиваетъ какъ разъ ту чрезвычайно интересную для исторической науки область, гдѣ новый христіанскій міръ соприкасался съ древнимъ классическимъ. Въ виду этого на нее уже давно обращали вниманіе изслѣдователи, но къ сожалѣнію преимущественно тѣ, которые принадлежали къ отрицательно-критической школѣ или по крайней мѣрѣ находились подъ ея сильнымъ вліяніемъ, и поэтому все изслѣдованіе обыкновенно сводилось къ отысканію тѣхъ мнимыхъ историческихъ ошибокъ или неточностей, которыми будто бы изобиловала эта книга. Такихъ ошибокъ и неточностей приверженцы критической школы Баура находили въ ней такъ много и считали ихъ такъ грубыми и непростительными, что подъ ихъ тяжестью самый характеръ книги, какъ исторической, терялъ всякое значеніе, и если даже критики совершенно не отрицали всякую историческую достовѣрность за нею, то во всякомъ случаѣ относили ея автора къ разряду третьестепенныхъ историческихъ писателей, произведенія которыхъ не заслуживаютъ особеннаго уваженія, какъ смутныя и малонадежныя. Такой взглядъ упорно держался въ отрицательно-критической литературѣ довольно долго, не смотря на то, что чѣмъ больше наука классической археологіи и исторіи углублялась въ свой предметъ и расширяла свои знанія, тѣмъ все чаще встрѣчалась съ такими до толѣ неизвѣстными фактами, которые поразительно подтверждали всѣ наимельчайшія подробности повѣствованія св. Луки.

Особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Моммсенъ, который своими изслѣдованіями въ области римскаго государственнаго права и правовыхъ отношеній между Римомъ и провинціями пролилъ такъ много свѣта на эту дотолѣ мало изслѣдованную и мало понятную область, что теперь сама наука о римскихъ древностяхъ вступила въ новый періодъ — Моммсенскій, который существенно отличается отъ до-Моммсенскаго. Всѣ, самыя остроумныя предположенія и построенія критиковъ, сдѣланныя до этихъ изслѣдованій Моммсена и казавшіяся верхомъ научной точности, глубины и авторитетности, часто теперь оказываются ребяческими построеніями, не имѣющими никакой научной цѣнности; а въ большинствѣ случаевъ это именно тѣ самыя построенія, на которыхъ отрицательная критика основывала свое пренебрежительное отношеніе къ исторической достовѣрности книги «Дѣяній». Рамсэй рѣшительно отмѣчаетъ этотъ поразительный фактъ, и онъ именно болѣе всего поколебалъ въ немъ увѣренность въ правотѣ и авторитетности отрицательной школы и заставилъ его самостоятельнымъ трудомъ провѣрить всѣ относящіеся сюда данныя. А когда онъ сталъ на путь самостоятельнаго изслѣдованія, то предъ нимъ открылась совершенно иная картина, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что онъ, по его собственнымъ словамъ, приступилъ къ изученію книги «Дѣяній» отнюдь не съ предрасположеніемъ въ пользу ея исторической достовѣрности. «Совершенно напротивъ», говоритъ онъ, я началъ въ настроеніи неблагопріятномъ къ ней, потому что остроумность и кажущаяся полнота тюбингенской теоріи одно время совершенно убѣждала меня. Въ мою задачу сначала и не входило изслѣдовать этотъ предметъ въ подробностяхъ; но позже я часто приходилъ въ соприкосновеніе съ книгой «Дѣяній», какъ авторитетомъ въ области географіи, древностей и общественной жизни въ Малой Азіи, и постепенно я убѣждался, что въ различныхъ подробностяхъ это повѣствованіе обнаруживало поразительную истину. Въ дѣйствительности, начавъ съ предзанятой идеи, что эта книга

есть въ сущности произведеніе втораго вѣка и никогда не полагаясь на достовѣрность ея свидѣтельствъ касательно условій перваго вѣка, я постепенно пришелъ къ тому, что началъ находить ее полезной союзницей въ изслѣдованіи разрывхъ темныхъ и трудныхъ явленій» ¹⁾. А затѣмъ дальнѣйшее изученіе древняго классическаго міра и окончательно убѣдило Рамсэя въ неосновательности теорій тюбингенской школы. Эта школа именно старалась доказать, что книга «Дѣяній» есть произведеніе II вѣка — съ претензіей однако такъ изображать событія, чтобы они соотвѣтствовали мнѣнію автора о церковныхъ вопросахъ его собственнаго времени. Всѣ теоріи этого рода подразумѣваютъ, что атмосфера и вся обстановка этой книги носятъ на себѣ отпечатокъ втораго вѣка, и эти теоріи обосновывались на томъ доказательствѣ, что подробности, излагаемыя въ книгѣ, изображаются неточно и окрашены идеями втораго вѣка. «Всѣ усилія прежней школы критиковъ, говоритъ Рамсэй, были направлены къ тому, чтобы дать необходимыя для этого доказательства, и въ этой попыткѣ они обнаруживали такое непониманіе дѣйствительнаго характера древней жизни и римской исторіи, которое часто изумительно и которое рѣшительно ниспровергнуто было съ прогрессомъ изслѣдованій въ области римской исторіи. Всѣ такія теоріи принадлежатъ къ до-Моммсенской эпохѣ римской исторіи; теперъ онѣ невозможны для основательнаго и образованнаго критика, и едва ли еще гдѣ нибудь продолжаютъ существовать, кромѣ развѣ популярныя журналовъ и повѣстей полу-религіознаго свойства» ²⁾.

Такимъ образомъ книга «Дѣяній св. Апостоловъ», по авторитетному мнѣнію Рамсэя, несомнѣнно составляетъ, вопреки утверженію отрицательной критики, произведеніе перваго вѣка, какъ и всегда вѣровала церковь. Но этимъ еще не опредѣляется все достоинство книги. Книга можетъ принад-

1) *Ramsay, St. Paul.* p. 8.

2) Тамъ же стр. 10.

лежать и первому вѣку, но по своему историческому достоинству можетъ относиться къ произведеніямъ второго или третьяго разряда. «Историческія произведенія, говоритъ Рамсэй, бываютъ различнаго рода и достовѣрны въ различной степени. 1) Есть историческія повѣсти, которыя въ рамки исторіи вилетаютъ вымышленный рассказъ. Къ этому роду принадлежатъ нѣкоторые изъ апокрифическихъ сказаній объ апостолахъ, возникавшія видимо изъ желанія доставить христіанамъ замѣну популярныхъ повѣстей того времени. 2) Есть легенды, въ которыхъ народное воображеніе, работая въ рядѣ поколѣній, окружаетъ дѣйствительную личность и дѣйствительныя событія такою массою посторонняго матеріала, что подъ нимъ едва ли можно различать историческое зерно. 3) Есть исторіи второго и третьяго разряда, въ которыхъ писатель, или небрежно и безъ должнаго обсужденія пользуясь хорошими источниками, или не обладая достаточно подробными и вѣрными источниками, даетъ такое повѣствованіе о прошедшихъ событіяхъ, которое до извѣстной степени достовѣрно, но содержитъ ошибки въ фактахъ, въ группировкѣ и пропорціи и окрашиваетъ рассказъ о прошломъ красками своего собственнаго времени. При пользованіи этимъ разрядомъ историческихъ произведеній новѣйшій ученый, напрягая свой историческій тактъ, долженъ сравнить это повѣствованіе съ другими свидѣтельствами, какія только можно получать изъ другихъ источниковъ и обсудить, совмѣстимо-ли приписываемое въ немъ отдѣльнымъ личностямъ съ возможностями человѣческой природы. 4) Есть наконецъ историческія произведенія высшаго порядка, въ которыхъ писатель располагаетъ превосходными средствами и знаніями или вслѣдствіе личнаго знакомства съ событіемъ, или благодаря доступу къ подлиннымъ первоисточникамъ, и при изслѣдованіи своего предмета обнаруживаетъ геній, литературное искусство и собственное историческое проникновеніе въ характеръ людей и въ движеніе событій. Такъ, авторъ схватываетъ самыя важныя событія, сосредоточиваетъ на нихъ вниманіе чита-

теля, подвергая ихъ болѣе полному изъясненію, касается легче и короче менѣе важныхъ событій, совсѣмъ опускаетъ массу неважныхъ подробностей, и дѣлаетъ свое произведеніе художественной и идеализированной картиной поступательнаго движенія даннаго періода. — Великіе историки — самыя рѣдкіе изъ писателей. По общему признанію типическимъ примѣромъ высшаго класса историковъ является Фукидидъ, и сомнительно, можетъ-ли быть другой какой-нибудь писатель по общему согласію поставленъ рядомъ съ нимъ. Но всѣ историки, отъ Фукидида и далѣе, конечно должны подлежать свободной критикѣ. И тутъ оказывается, что огонь, сжигающій второстепеннаго историка, только еще сильнѣе и свѣтлѣе дѣлаетъ дѣйствительнаго мастера, съ очевидностью выставляя его превосходство. Самая строгая критика съ теченіемъ времени окажетъ ему наилучшую услугу. Но и для критика въ свою очередь требуются высокія качества: онъ долженъ быть способенъ отличать истину отъ лжи, онъ долженъ быть искреннимъ, непредубѣжденнымъ, человѣкомъ открытой души. Много такихъ критиковъ, которые въ значительной степени проявляли свое предпочтеніе ложному предъ истиннымъ, и можно съ правомъ сказать, что въ наше время нѣтъ еще такого класса литературныхъ произведеній, въ которыхъ бы замѣчалось столь огромное преобладаніе заблужденія и ложнаго сужденія, какъ именно въ области литературной критики. Для нѣкоторыхъ изъ нашихъ критиковъ Геродотъ — отецъ исторіи, для другихъ онъ — неаккуратный воспроизводитель болтовни необразованныхъ массъ народа; одинъ писатель съ злобѣщею продолжительностью доказываетъ слабость Фукидида, другой не можетъ усмотрѣть у него ни одного недостатка. Но признавая всю силу риска и вѣроятность осужденія, которому можетъ подвергнуться смѣлая попытка, я осмѣливаюсь привести на слѣдующихъ страницахъ основанія, заставляющія меня поставить автора книги «Дѣяній» въ число историковъ перваго разряда»¹⁾.

¹⁾ Ramsay, St. Ptul. pp. 2—4

Затѣмъ авторъ и дѣйствительно доказываетъ, что св. Лука, даже оцѣниваемый съ точки зрѣнія просто литературно-критической, по необычайной прозрачности и стройности своего историческаго повѣствованія, по классической чистотѣ отдѣлки разныхъ подробностей и особенно по геніальной пропорціональности частей повѣствованія и по связи ихъ съ основною идеей вполнѣ можетъ быть поставленъ рядомъ съ такими геніальными представителями исторіи, какъ Геродотъ и Фукидидъ. Этотъ результатъ въ высшей степени важенъ. Если представители отрицательной критики съ легкой душой относили книгу Дѣяній ко II-му вѣку, считая ее притомъ не болѣе какъ историческимъ романомъ, составленнымъ неизвѣстнымъ, но во всякомъ случаѣ недалекимъ — второ-или третьестепеннымъ авторомъ, то къ этому заключенію они приходили просто на основаніи своихъ теоретическихъ и критическихъ соображеній, высиженныхъ въ ученомъ кабинетѣ. Ни Бауръ, ни его ближайшіе ученики никогда не считали своею обязанностью провѣрить свои теоріи объективнымъ изслѣдованіемъ подлежащихъ данныхъ. И вотъ теперь является ученый изслѣдователь («одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени», какъ отзывается о немъ англійская ученая критика), который, въ интересахъ объективнаго научнаго изысканія, не ограничился теоретическими соображеніями, а самъ отправился на мѣсто дѣйствія, излагаемаго въ книгѣ Дѣяній, тщательнѣе изучилъ всѣ географическія и археологическія особенности Малой Азіи и Греціи, произвелъ провѣрку сообщаемыхъ св. Лукой свѣдѣній на основаніи всѣхъ, доступныхъ современной наукѣ данныхъ, и въ своей книгѣ прямо и откровенно высказываетъ свое убѣжденіе въ полнѣйшей исторической достовѣрности этой книги и автора ея ставить въ разрядъ величайшихъ историковъ древняго міра. Ясное дѣло, что предъ такимъ авторитетнымъ отзывомъ должна отступить отрицательная школа, и она дѣйствительно получаетъ себѣ отъ книги Рамсэя такой ударъ, отъ котораго несомнѣнно долго не оправится.

Вся книга англійскаго изслѣдователя представляетъ собою въ дѣйствительности ученый комментарий на Книгу Дѣяній Апостольскихъ. Конечно, это комментарий не богословскій, да нельзя было и требовать такого комментарія отъ ученаго изслѣдователя-классика, а не богослова. Но онъ тѣмъ интереснѣе именно въ томъ отношеніи, что свѣтскій комментаторъ, на основаніи чисто ученыхъ изысканій въ области классическаго знанія, шагъ за шагомъ слѣдитъ за историческими свидѣтельствами комментируемой книги и во всѣхъ ея подробностяхъ находитъ поразительную точность въ изложеніи событій и фактовъ, насколько они могутъ быть проверяемы на основаніи независимыхъ свидѣтельствъ классической древности. Такой комментарий составляетъ необходимую канву для всякаго богословскаго комментарія, желающаго стоять на высотѣ современно научнаго знанія, и книга Рамсэя справедливо обратила на себя вниманіе какъ англійской, такъ и другихъ богословскихъ литературъ запада. Съ цѣлію ознакомленія и нашихъ читателей съ этимъ ученымъ комментариемъ, мы представимъ нѣсколько главъ изъ него, и именно тѣ главы, гдѣ комментируется повѣствованіе св. Луки о проповѣди ап. Павла въ центрахъ классическаго міра—въ Македоніи и Греціи. Но это въ слѣдующій разъ.

А. Лопухинъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки